
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК 340.12

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.12.1

Бастрыкин Александр Иванович

Следственный комитет Российской Федерации,
Москва, Россия

Сальников Виктор Петрович

Журнал «Юридическая наука: история и современность»,
Санкт-Петербург, Россия, Fonduniver@bk.ru

ИДЕЯ ЧЕЛОВЕКА В УЧЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ¹

Аннотация. В статье анализируются положения учения Ф.М. Достоевского о человеке как высшей социальной ценности и высшей ценности мироздания, что делает человека ответственным за результаты выбора между Абсолютным Добром и злом. Авторы приходят к выводу о том, что, по Ф.М. Достоевскому, абсолютное единство мироздания раскрывается в духовном мире человека как абсолютное добро и абсолютная свобода, а формой такого раскрытия в христианском государстве является право.

Ключевые слова: человек, ценность, свобода, добро, государство, право, философия права

Для цитирования: Бастрыкин А.И., Сальников В.П. Идея человека в учении Ф.М. Достоевского о праве и государстве // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 4. С. 9–19. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.12.1.

© Бастрыкин А.И., Сальников В.П., 2021

¹ Статья публикуется по итогам Международной научно-практической конференции «Российская государственность в веках: многообразие, единство, суверенитет», прошедшей в Уфе 15 октября 2021 г.

Original article

Bastrykin Alexander Ivanovich

Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Sal'nikov Viktor Petrovich

Journal «Legal Science: History and Modernity»,
Saint Petersburg, Russia,
Fonduniver@bk.ru

**HUMAN IDEA IN THE F.M. DOSTOEVSKY'S TEACHING
ABOUT LAW AND STATE**

Abstract. The article analyzes the main aspects of F.M. Dostoevsky's doctrine about human being as the highest social value and the highest value of the universe, it makes a person responsible for the results of the choice between Absolute Good and Evil. The authors come to the conclusion that, according to F.M. Dostoevsky, the absolute unity of the universe is revealed in the spiritual world of a man as absolute good and absolute freedom, and the form of such discovery in the Christian state is law.

Keywords: human being, value, liberty, good, state, right, philosophy of law

For citation: Bastrykin A.I., Sal'nikov V.P. Human Idea in the F.M. Dostoevsky's Teaching about Law and State. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 4, pp. 9–19. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.12.1. (In Russian).

По мнению Достоевского, моральный выбор человека – это не только его личное дело, он затрагивает самую суть мироздания, отражается во всех его гранях. В душе человека «дьявол с Богом борется», и выбор человека решает судьбу всего мироздания. В этой мысли Достоевского мы видим преломление древнего миропонимания Анаксагора: «Всё во всём».

Человек, таким образом, это высшая метафизическая ценность, ценность самого бытия. Но человек – это и высшая социальная ценность, поскольку только человек, обладающий свободой воли и способностью к свободному моральному выбору, является источником добра, объединяющего общество [1, с. 170–176; 2, с. 186–193]. Красота, истина, радость – стороны продуцируемого человеком добра, прямое проявление его причастности Абсолютному Добру. В человеке внутренняя радость следует за добрым делом, «ибо радость есть одна из сторон добра. В этом Достоевский был в согласии с Фомой Аквин-

ским. Но если человек стремится к добру, он должен все же думать не столько о блаженстве, сколько о добре самом по себе» [3, с. 311].

Условием этого «добра самого по себе» является глубокое сознание или интуитивное чувство человеком своей неразрывной внутренней связи с другими людьми, со своим народом и со всем человечеством. Онтологическую проблему античной философии – единого и многого – Отцы Церкви возвели на уровень этической проблемы – проблемы добра и зла. Достоевский именно на этом уровне обращается к проблеме единого и многого, синтезируя ее с проблемой добра и зла. Добро для человека, показывает Достоевский, невозможно, если не принять в себя истины единства человека со всеми другими людьми. Без этого, напротив, неизбежным для человека будет зло, зло-действие, как следствие утверждения своей отъединенности от всеобщего народа и человечества.

Бытие человека состоит в его включенности во Всеединство как элемента многого в единое и как единства во многое. Эта включенность осознается и в страдании переживается им [4, с. 90–91]. Признание человеком своей полной включенности во Всеединство бытия, в случае его трансляции на систему межличностных отношений, и понимание меры ответственности, порождаемой этим признанием, собственно, и составляет то, что называется моральным выбором человека, истоком его субъектности и субъективности [5, с. 103–118]. Выбор актуализируется, когда человек сознает порождающую ответственность всеобщее единство человечества. Всеединства человечества, правда, не было бы без Всеединства всеобщего бытия. Но вопрос о признании уже всеобщего Всеединства у Достоевского оказывается актуален не в ситуации морального выбора и признания ответственности перед Другим. Достоевский ставит его в контексте осознания человеком ответственности перед самим собой как исходной точкой его самоорганизации [6, с. 168–178]. И это неслучайно: только человеческая личность соразмерна всеобщему бытию. Всеединство всего бытия, всеобщая гармония осознается человеком как проблема свой личности лишь там, где он достигает подлинной глубины, отдельности и единичности своей личности. Абсолютному максимуму, как учил еще Н. Кузанский, противостоит только абсолютный же минимум.

Эта проблема, уже философская по масштабу своего охвата, ставится Достоевским как проблема смысла для человека гармонии мира, всеобщего бытия [7, с. 51–58]. Вопросы о смысле личного бытия человека и всеобщего бытия неразрывно связаны между собой. Ведь невозможно положительно решить вопрос о смысле личного бытия и отрицательно – о смысле всеобщего. В таком случае мы снова должны были бы решать для себя вопрос о единстве и гармонии всеобщего бытия, за которым для нас встанет проблема невозможности гармонии между добром и злом, или, иначе, между бы-

тием, которое «есть», и небытием, которого вовсе нет. И так до бесконечности (вспомним аргументы Отцов Церкви против гностического дуализма добра и зла) [8, с. 72–74].

Получается, что человек не может нащупать в себе точку осмысленности собственного бытия и положительно решить вопрос о значении и смысле своего существования, зная, что в мире есть зло. Достоевский предельно радикально определяет эту проблему: речь не обязательно должна идти о вселенском зле. Даже единичное, вполне бытовое зло, с которым вроде бы можно и смириться, само по себе уже должно свидетельствовать о бессмысленности бытия на всех его уровнях: от всеобщего до личностного. Так возникает знаменитая тема «слезинки ребенка» (которую, заметим, умудрились использовать во зло разрушители государства в эпоху перестройки, а потом благополучно забыли).

Заметим, что в этом случае верно и обратное, в чем заключено большое утешение для человека: преодоление зла не обязательно требует вселенского героизма. Как частное преступление является злом вселенского масштаба, так и идея блага, шаг за шагом привитая человеку, особенно ребенку, имеет вселенское значение: «К огромному дереву прививают крошечную ветку, и плоды дерева изменяются» [9, с. 17].

Так, вопрос о сущности Абсолютного Добра, блага, не решается парой фокуснических фраз. Скорее, это тема практическая, тема воспитательной работы, о чем Достоевский писал в письме 27 марта 1878 г.: «К чему такие задачи: "Что такое благо, что нет?" Эти вопросы – вопросы лишь для Вас, как и для всякого внутреннего человека, но при воспитании-то Вашего ребенка к чему это? Все, кто способны к истине, все те чувствуют свою совесть, что такое благо, а что нет? Будьте добры, и пусть ребенок Ваш поймет, что Вы добры (сам, без подсказывания), и пусть запомнит, что Вы были добры, то, поверьте, Вы исполните пред ним Вашу обязанность на всю его жизнь, потому что Вы непосредственно научите его тому, что добро хорошо» [9, с. 17].

В последние годы мы стали поворачиваться лицом к воспитательной работе, вернулись к великому тезису родоначальника отечественной педагогической науки Л.Н. Модзалевского о единстве воспитания и обучения при приоритетном характере воспитания [10; 11], ввели в Вооруженных Силах и некоторых других силовых структурах, правоохранительных органах, в том числе в Следственном комитете РФ, должности специалистов по воспитательной работе с личным составом, а по предложению Президента В.В. Путина в школах вводится должность советника директора по воспитательной работе. Важно, чтобы штатный воспитатель (как, в общем-то, и внештатные) помнили позицию Достоевского о том, что к воспитуемым они всегда долж-

ны проявлять доброту, быть добрыми к ним. И эту доброту воспитуемые должны чувствовать и понимать.

Стремясь найти общую форму этической проблематизации вопроса о внутреннем смысле гармонии бытия, Достоевский избирает метод от противного. Он до предела обостряет тезис о бессмысленности и чуждости бытия для человеческого Я и анализирует вытекающие отсюда следствия, вплоть до самоубийства. Такого рода проблематизацию темы смысла бытия мы находим у мыслителя в «Записках из подполья» и в «Дневнике писателя», причем оба текста идейно и содержательно близки друг другу.

Комментируя соответствующий ход мысли Достоевского, Р. Лаут отмечает, что ставить вопрос о смысле своего бытия вплоть до вопроса о смысле бытия вообще – это исключительная прерогатива человека [3, с. 108–111]. Рефлексия о смысле бытия составляет, по Достоевскому, самую суть бытия человека, она непосредственно связана с ним и неотрывна от него. При этом не имеет принципиального значения, осознает это человек или нет: соотносённость со смыслом бытия наполняет все его желания и мысли. Ребенок на подсознательном уровне верит в то, что бытие имеет смысл, и лишь разочарования и несовершенство жизни заставляют его усомниться в этом. В своей дальнейшей жизни человек может либо отвергать этот вопрос, считая его неразрешимым, либо относить его на второй план своей жизни, заслоняя текущими делами и заботами, либо (как это делал сам писатель) превращать этот вопрос в центр своей жизни, и духовной, и самой что ни на есть земной, бытовой. Но даже отвергая этот вопрос, человек все равно живет именно им.

По Достоевскому, человек постоянно решает вопрос о том, имеет ли его жизнь смысл и как может согласоваться «хрустальный дворец» всеобщей гармонии и смысла со свободой человека, вплоть до свободы отринуть уже всякий смысл и, по выражению Достоевского, «показать язык» этой гармонии. Без этого бытие человека иллюзорно. Но и признание этой иллюзорности не спасает, так как сразу оказывается несоразмерной масштабу человеческого сознания, требующего для себя положительного значения и не довольствующегося чисто отрицательным заключением, что «все мое устройство только надувание». Если само по себе решение вопроса о смысле бытия человека не очевидно и, возможно, что само бытие несет его в себе как вечную тайну, скрывая от разума, то все же последний в состоянии задаться и разрешить проблему значимости этого вопроса и его практических следствий. Такой ход мысли в целом вполне схож с кантовской логикой: если постижимость самой по себе истины мне еще нужно доказать, то вопрос о ее значимости для меня вполне может быть разрешен в пределах только разума. При такой постановке вопроса Достоевский дает, как нам кажется, исчерпывающий ответ: если человека понимать только как природное суще-

ство, а в природе смысла нет, то, значит, нет его и для человека. Но в таком случае человек и не должен существовать, поскольку жизнь без смысла противоречит самому понятию человека. А значит, человек как существо логически мыслящее должен разрешить это противоречие, а именно: привести реальность в соответствие с понятием, то есть убить либо саму природу, либо самого себя [12, с. 120; 13, с. 146–148].

Жизнь, построенная на отвержении мировой гармонии, лишена смысла и абсурдна. Единственный осмысленный и разумный шаг для материалиста состоит в том, чтобы убить себя. Другой вариант: жить без норм и моральных законов, как Свидригайлов. Однако такая жизнь сама по себе призрачна и в случае Свидригайлова все равно заканчивается самоубийством. Если нет, то утверждается та ситуация, о которой с грустью говорил известный российский юрист А.И. Александров: «Никто ничего не боится – ни Бога, ни людей, ни Божьего суда, ни земного» [14, с. 573].

То, что «логический самоубийца» принимает за мысль, есть на деле лишь акт рефлексии, за которым неизбежно должно последовать отрицание отрицания бытия и восстановление его положительности, утверждение осмысленности и одухотворенности бытия. Давая сравнительный анализ «Записок из подполья» и «Сна смешного человека», известный русский философ А.З. Штейнберг снова возвращает нас к этой перекрестной диалектике сознания, бытия и небытия: «...он восстал против этой зловещей "религии с культом небытия" и увидел лицом к лицу ту истину, в свете которой осмыслились и муки самосознания: они оказались муками рождения новой истины» [4, с. 89].

Таким образом, негативная диалектика Достоевского оборачивается его позитивной метафизикой. Поэтому ответом на нигилизм вульгарных либералов («Бесы») и скептицизм откровенных циников («Братья Карамазовы») у Достоевского является осмысленность личности, видящей свою истину и идеал в совершенстве Богочеловека, а также одухотворенность народа, объединенного идеалами святости. Как сказал Достоевский в одном из своих писем, «Николай Чудотворец есть русский дух и русское единство» [15, с. 144–145].

Эта осмысленность бытия имеет источником, во-первых, собственно духовное начало в человеке, его связанность с абсолютным и устремленность к нему; во-вторых, знание человека об этом своем духовном начале; в-третьих, отношение к этому как своему внутреннему содержанию, то есть отношение по форме свободное, а по содержанию ценностное. «Не вдаваясь ни в какие теории, Христос прямо объявляет о том, что в человеке кроме мира животного есть и духовный. Ну и что же – пусть откуда угодно произошел человек (в Библии вовсе не объяснено, как Бог лепил его из глины, взял от земли), но зато Бог *вдунул в него дыхание жизни* (но скверно, что грехами

человек может обратиться опять в скота)», – писал Достоевский В.А. Алексееву 7 июня 1876 г. [15, с. 85].

Этот внутренний духовный мир человека, о котором писал Достоевский, соединяет его с идеей Абсолютного Добра. Поэтому именно из него, из «духовного мира», берут свои истоки нравственность и право, являющиеся «проекцией» Абсолютного Добра в «мир земли». По Достоевскому получается, что возможности присутствия в человеке этого «духовного мира» связаны, прежде всего, с открытостью человека Богу и с бессмертием души человека. Последнее является одновременно и условием присутствия в душе человека абсолютного, и свидетельством об этом абсолютном.

Если абсолютное раскрывается в «духовном мире» как Абсолютное Добро и раскрывается свободно, то формой такого раскрытия как раз и будет право [16, с. 74–85; 17, с. 12–17; 18, с. 157–168]. Право ограничивает человека от того, чтобы ему «обратиться опять в скота». Таким образом, проблематика права, если взять ее в высшем, метафизическом, измерении, тесно переплетается у Достоевского с проблематикой бессмертия души человека [19, с. 179–191].

Без этой идеи, идеи бессмертия души, право, считал Достоевский, теряет для человека свою ценность, а значит, и свою собственную, внутреннюю силу [20, с. 165–171]. А без поддержки права человек не может остаться человеком в нравственном значении слова и не может не опуститься до уровня скота, раз уж его душа стала тем местом, где «дьявол с Богом борется». Таким образом, Достоевский снова возвращает нас к мысли Платона, проходящей лейтмотивом через всю философию права: истинно справедливым человек может быть только в справедливом государстве [21, с. 233–234]. Но именно право является внешней формой справедливости для современного государства. И здесь нужно видеть главное слово великого писателя о справедливости, праве и государстве, «ибо его творчество было "благой вестью" для русского народа – пророческой и апостольской вестью о спасении через Христа» [17, с. 5].

Список источников

1. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6. С. 170–177.

2. Богатырёв Д.К., Сальников В.П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 186–194.

3. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / под ред. А.В. Гулыги ; пер. с нем. И.С. Андреевой. М. : Республика, 1996. 447 с.

4. Штейнберг А.З. Система свободы Достоевского. Париж : YMCA-PRESS, 1980. 144 с.

5. Богатырёва Л.В., Масленников Д.В., Луговой А.А. Гегель и Достоевский. О проблеме субъективности в философии абсолютного идеализма // Вестник Рус. христианск. гуманитарн. акад. 2021. Т. 22, № 1. С. 103–119.

6. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Нравственно-правовая самоорганизация личности и интуиция // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 168–178.

7. Исмагилов Р.Ф. Сущность и смысл всеобщего бытия в творчестве Ф.М. Достоевского // Правовое поле современной экономики. 2016. № 8. С. 51–58.

8. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с. DOI 10.17513/np.467.

9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / АН СССР ; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Т. 30, кн. 1. Письма 1878–1881. Л. : Наука, 1988. 455 с.

10. Модзалевский Л.Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен / под общ. ред. В.П. Сальникова ; науч. ред., вступ. ст., предм. указ. М.В. Захарченко. СПб. : Алетейя, 2000. Ч. 1. 429 с.

11. Модзалевский Л.Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен / под общ. ред. В.П. Сальникова ; науч. ред., вступ. ст., предм. указ. М.В. Захарченко. СПб. : Алетейя, 2000. Ч. 2. 496 с.

12. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / АН СССР ; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Т. 5. Повести и рассказы. 1862–1866. Л. : Наука, 1973. 407 с.

13. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / АН СССР ; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май – октябрь. Л. : Наука, 1981. 423 с.

14. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / вступит. сл. чл.-кор. РАН д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Керимова. СПб. : СПбГУ, 2013. 598 с.

15. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / АН СССР ; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Т. 29, кн. 1. Письма 1869–1874. Л. : Наука, 1986. 573 с.

16. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея права нового времени и философское наследие Ф.М. Достоевского: мировоззренческая оппозиция двух моделей // Правовое государство в современном мире : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 18 мая 2021 г. / отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. С. 74–85.

17. Митрополит Иларион (Алфеев). Евангелие Достоевского. М. : Познание, 2021. 232 с.

18. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 157–170.

19. Бессмертие души как стержневая идея в учении Ф.М. Достоевского о праве и нравственности / В.П. Сальников [и др.]. // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 5. С. 179–192.

20. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 3. С. 165–172.

21. Фролова Е.А. Рациональные основания права: классика и современность : моногр. М. : Проспект, 2020. 576 с.

References

1. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. The Creative Heritage of F.M. Dostoevsky in Modern European Philosophy: the Search for Ways to Overcome the Spiritual Alienation of Man. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2020, no. 6, pp. 170–177. (In Russian).

2. Bogatyryov D.K., Sal'nikov V.P. Values, Thinking, Culture in the Space of Spiritual Life. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2019, no. 9, pp. 186–194. (In Russian).

3. Louth R. Die Philosophie Dostojewskis in Systematischer Darstellung. München, 1950. 568 s. (Russ. ed.: Louth R.; Gulyga A.V. (ed.). Dostoevsky's Philosophy in a Systematic Presentation. Moscow, Respublika Publ., 2004. 447 p.).

4. Steinberg A.Z. *Sistema svobody Dostoevskogo* [Dostoevsky's System of Freedom]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1980. 144 p.

5. Bogatyreva L.V., Maslennikov D.V., Lugovoy A.A. Hegel and Dostoevsky. About the Problem of Subjectivity in the Philosophy of Absolute Idealism. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii = Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 103–119. (In Russian).

6. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Moral and Legal Self-Organization of the Person and Intuition. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2017, no. 2, pp. 168–178. (In Russian).

7. Ismagilov R.F. Essence and Sense of General Life in F.M. Dostoevsky's Creativity. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = Legal Framework of Modern Economics*, 2016, no. 8, pp. 51–58. (In Russian).

8. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. *Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskij. K voprosu o spekulativno-logicheskikh os-novaniyah metafiziki prava* [Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of the Speculative Logical Foundations of Metaphysics of Law]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2019. 376 p. DOI 10.17513/np.467.

9. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. Vol. 30, pt. 1. 455 p.

10. Modzalevskij L.N.; Sal'nikov V.P., Zaharchenko M.V. (eds.). *Ocherki istorii vospitaniya i obucheniya s drevnejshih do nashih vremen* [Essays on History of Education and Training from Ancient Times to Our Times]. St Petersburg, Aletejya Publ., 2000. Pt. 1. 429 p.

11. Modzalevskij L.N.; Sal'nikov V.P., Zaharchenko M.V. (eds.). *Ocherki istorii vospitaniya i obucheniya s drevnejshih do nashih vremen* [Essays on History of Education and Training from Ancient Times to Our Times]. St Petersburg, Aletejya Publ., 2000. Pt. 2. 496 p.

12. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. Vol. 5. 407 p.

13. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. Vol. 23. 423 p.

14. Aleksandrov A.I. *Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti (voprosy filosofii prava, ugolovnoj politiki i ugolovnogo processa)* [Philosophy of Evil and Philosophy of Crime (Questions of Philosophy of Law, Criminal Policy and Criminal Procedure)]. St Petersburg University Publ., 2013. 598 p.

15. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 29, pt. 1. 573 p.

16. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. The Idea of Modern Law and the Philosophical Heritage of F.M. Dostoevsky: Ideological Opposition of Two Models. In Yamaletdinova N.V. (ed.). *Pravovoe gosudarstvo v sovremennom mire. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno prakticheskoy konferencii, Ufa, 18 maya 2021 g.* [The Rule of Law in the Modern World. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, May 18, 2021]. Bashkir State University Publ., 2021, pp. 74–85. (In Russian).

17. Metropolitan Hilarion (Alfeyev). *Evangelie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Gospel]. Moscow, Poznanie Publ., 2021. 232 p.

18. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. Being and Reflection: the Ontological Basis of Law in the Philosophy of F.M. Dostoevsky. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2018, no. 12, pp. 157–170. (In Russian).

19. Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Sal'nikov M.V. The Immortality of the Soul as a Pivotal Idea in the Teachings of F.M. Dostoevsky on Law and Morality. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2021, no. 5, pp. 179–192. (In Russian).

20. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Man and People as the Highest Values in the Philosophy of Law F.M. Dostoevsky. *YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2021, no. 3, pp. 165–172. (In Russian).

21. Frolova E.A. *Racional'nye osnovaniya prava: klassika i sovremennost'* [Rational Bases of Law: Classics and Modernity]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 576 p.

Информация об авторах

Бастрыкин Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, председатель Следственного комитета Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

Сальников Виктор Петрович – доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный сотрудник МВД России

Information about the Authors

Bastrykin Alexander Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation

Sal'nikov Viktor Petrovich – Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Legal Science: History and Modernity», Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Member of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 09.11.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 16.11.2021.

The article was submitted 09.11.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 16.11.2021.